

Николай Махов

Воздушные замки

16+

Николай Владимирович Махов

Воздушные замки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53959926

SelfPub; 2020

Аннотация

Оттрубив два года в армии, Володя Борисов возвращается в ненавистную ему деревню. Неприятностей добавляет сестра-малолетка и ее «блаженный» дурачок – приятель, вечно сующий нос куда не следует. А новая подружка Алка, только подливает масла в огонь, играя, как оказалось, совсем не в детские игры. Чем обернется летний отдых в деревне, если в прошлый раз твои друзья «присели» на три года?!

Содержание

Часть первая	4
Рыцарь	4
Маленькие друзья	6
Часть вторая	28
Вовка	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Часть первая

Рыцарь

– Гляди, вот это похоже на корону! – Иринка показала рукой на большое белое облако.

– Ага, а это на лошадь. – Сейчас же подхватил Павлик. – А вон, смотри – как будто башня замка!

– Где? – Девочка подвинулась ближе, и их головы соприкоснулись. – Я не вижу замка.

– Ну это не замок... Просто башня. – Пашкины уши запылали, а место, которым он касался Иринкиной головы, вдруг начало жечь и покалывать. Мальчик поднял руку перед собой и стал пальцем показывать:

– Во-о-он на то облако смотри – видишь? Вот окно, вот крыша...

– А-а-а, да... Ты пальцы убери, а то так ничего не видно – она схватила его за руку и положила на землю, но так и не отпустила. – А давай я буду принцессой, а ты будешь рыцарем на коне и в блестящих доспехах. Я буду сидеть в башне, а ты меня спасешь.

– Спасу? От кого? – удивился Павел.

– Ну я не зна-а-аю... – протянула Иринка. – От злого волшебника. Ну или от дракона.

– Драконов не бывает, это же все сказки. – забубнил он.

– Ну и что, пусть не бывает!.. – она засмеялась и легонько сжала его кисть своими маленькими пальчиками. – Просто представь – я принцесса, а ты мой рыцарь! Ты едешь на во-о-от этой лошади, спасать меня во-о-от от того дракона. А я сижу в его воздушном замке, во-о-он в той высокой башне, смотрю за вашей битвой из окна и машу тебе платочком. Видишь?

– Мм... Ну... Вижу. – Паша покраснел еще сильнее и нахмурился. – Только какой из меня рыцарь. Я простой раб божий. Я не могу никого убивать – это грех.

– А ты его не убивай! Ты его просто прогони! Ну, пожа-а-алуйста, мне так хочется, чтобы у меня был рыцарь, который всегда спасет, если попаду в беду. – Она сильнее сжала его руку. – Ты же не сможешь отказаться, если тебя просит прекрасная принцесса?

– Хорошо, если меня просит прекрасная принцесса – я буду рыцарем!

– И всегда меня спасешь?

– Всегда!

– От любой беды?

– От любой!

Маленькие друзья

– «Пашка-промокашка! Пашка-чебурашка!» – Деревенские ребята сразу начинали кричать и тыкать пальцами, завидев идущего по улице Павлика. Но, мальчик давно уже к этому привык.

– Они же просто дети. Сами не ведают, что творят. – говорила ему мама. – Бог простил, и ты прости.

И Павлик прощал. Он всем всё прощал, иначе не мог – господь так велел.

Отца мальчик не помнил – его засыпало зерном на местном зернохранилище, когда Павлику было всего 3 года. Смерть мужа подкосила здоровье Татьяны, уложив в постель на многие месяцы. Все это время им помогала бабка Дуся – жена местного батюшки. Она приглядывала за маленьким Павликом и ухаживала за его больной мамой. Наверное, только благодаря ей их жизнь и поменялась – Татьяна решила не возвращаться на птицефабрику, Павлика крестили и мать с сыном стали жить по законам божьим. Вместе они помогали батюшке присматривать за деревенской церквушкой – мама убиралась, а Пашка был по хозяйственной части – копал огород, рубил дрова, и любую другую работу по дому, требующую мужских рук. Так они и жили в своем тихом мирке, на окраине деревни.

Единственным другом Павлика был пес Бабай – сидевший

на цепи во дворе. Он был жутко злой и никого к себе не подпускал, только Павлика и его маму. Даже на бабушку Дусю рычал, когда она приходила к ним в дом, но почему-то никогда на нее не лаял. С цепи его не спускали, наверное, боялись, что он может загрызть кого-нибудь из деревенских детишек, которые иногда приходили его подразнить. Поэтому Павлик просто любил сидеть, облокотившись спиной на собачью будку, обнимая Бабая и думать о том, как же странно устроил Господь этот мир.

Раньше, когда Павлик был совсем маленьким, дети часто его обижали. Они кидались яблоками, ставили подножки, толкали и громко смеялись, когда мальчик падал. А еще всячески его обзывали, придумывая разные обидные прозвища. Именно поэтому он перестал ходить в областную школу, и бабушка Дуся учила его на дому. Только для деревенских детишек он так и остался изгоем.

Зато Павлик подружился с природой – настоящим миром божьим, и проводил почти все свободное время в лесу. С годами он выучил все тропинки и лужайки, знал самые грибные и ягодные места, умел различать птиц по пению и разбирался в следах зверей.

Вот только поделиться этим было не с кем и Пашка пересказывал всё псу Бабаю – как встретил молодого – пугливого лиса; что старую березу повалило ветром; а в кустах жимолости, на опушке леса – «ястребиные славки» свили маленькое гнездо. Бабай внимательно слушал, положив голову на

его живот и изредка поднимая ухо, отвлекаясь на какой-нибудь посторонний шум.

– Па-а-авлик! Сынок!.. -Позвала через окно мама. – Ходь сюда.

– Чего такое, мам? – Пашка поставил тятку к стене сарая.

– Я хочу пирогов испечь, да муки совсем мало. Сбэгай, сынок, купи два кило. – Мать протянула деньги с авоськой. – А я твои любимые испеку – с творогом.

– Хорошо. Сейчас сбэгаю, только умоюсь.

– Давай сынок, да смотри аккуратнее – деньги не потеряй.

В карман лучше не клади – в руке носи.

– Ма-а-ам, мне уже четырнадцать, а не десять. – засопел

Пашка.

– Я знаю, мой хороший, знаю. – Улыбнулась мать. – Ты у меня совсем взрослый... Ну, беги давай. Два кило – не забудь!

– Да помню я! – Донеслось уже из-за калитки.

Возле старенького домика, на краю улицы, на котором висела пестрая вывеска «Продукты», Пашка увидел мотоцикл местного тракториста дяди Игоря. Это был красавец «Урал» – мечта любого деревенского мальчишки. Игорь получил его в подарок от колхоза, лет пятнадцать назад – как ударник соц. труда. Несмотря на возраст, мотоцикл выглядел как новенький – огромный, блестящий, с люлькой на пра-

вом боку. Сейчас, в этой коляске восседала какая-то девчонка, лет девяти – десяти на вид. Её белесые волосы были заплетены в косу, но от быстрой езды они выбились и смешно топорщились в разные стороны, отчего она была похожа на одуванчик. Девчушка весело что-то напевала и морщила нос, жмурясь от солнечных лучей. Пашка опустил голову и молча проскользнул в распахнутые двери магазина.

– А ты к нам насовсем, али погостить? – продавщица Алка в открытую строила глазки какому-то парню. Он стоял спиной к Пашке, и его лица не было видно, но по одежде сразу было заметно, что он не местный.

– Погостить. – по голосу парню было лет двадцать. – Зато на всё лето!

Видимо, он ей подмигнул, потому что Алка хихикнула и засмушавшись потупила глаза. Парень взял две бутылки пива и мороженое, разворачиваясь на выход, он столкнулся с Павликом.

– Ох, блин! Ты б под ногами не путался, а то раздавлю еще! – Цыкнул он на Пашку, и весело добавил на весь магазин: – Аривидерчи!

– Всего хорошего, приходите еще! – заливалась соловьем Алка, затем хмуρο к Пашке: – а тебе чего?

– Муки. – Неожиданно мяукнул Павлик, но тут же откашлялся и добавил. – Два кило.

На улице взревел заведенный мотоцикл.

На следующее утро после завтрака Пашка ускакал в лес – проверить как там гнездо «славки» – не подобралась ли к нему лиса. Солнышко ласково грело, отовсюду доносилось пение птиц и шум молодой листвы. Жизнь в природном царстве вовсю набирала обороты.

Пройдя через опушку, Павлик вошел в лес – на входе, веселым хороводом, его окружили ослепительно белые березки, они ласково шуршали листьями, словно зазывая его покружиться вместе с ними в солнечном свете. За ними начиналось мужское королевство – дубов и кленов. Эти могучие богатыри были угрюмые и молчаливые, наверное, потому что у них не было столько солнечного света, так как стояли они более плотно – будто плечом к плечу. Их кроны закрывали небо над головой, образуя купол и лишь изредка давая полоскам яркого света пробиться через небольшие оконца. В воздухе сладко пахло травой и цветами.

Павлик шел, по колено утопая в молодой мураве, его мысли были о том – как же хорошо быть таким древесным гигантом – никто тебя не задирает, не дразнит и не кричит в спину обидные прозвища. Наоборот – старый друг ветер играет с твоей листвой, солнышко весело улыбается, а лесные птицы поют тебе песни и играют в догонялки на ветвях. Божья благодать. Почему люди такие злые? Этого он никак понять не мог. «На все воля божья! – любила повторять его мама. – Ты просто живи и радуйся тому, что господь подарил тебе

эту возможность».

Обойдя кусты орешника, Павлик вышел на небольшую лужайку посреди леса. Её со всех сторон окружали кусты и деревья, поэтому найти этот чудо-островок было не так-то просто. Пашке всегда нравилось проводить здесь время – валяясь под солнышком с книжкой в руках и пережёвывая травяной стебелек. Или, можно было просто лежать и мечтать. Чаще всего, в своих фантазиях мальчик был в роли повелителя зверей и птиц – вокруг были вечнозеленые леса и больше ни одного человека на всей земле, кроме самого Пашки.

Неожиданно мальчик услышал чей-то голос и остановился. Прямо посреди лужайки, в нескольких метрах сидела на корточках та самая девчонка, которую он видел вчера у магазина. Пашка находился за ее спиной, поэтому она его не замечала. Своим тоненьким голоском девчушка весело напевала:

– Миллион, миллион, миллион алых роз...

– Из окна, из окна, из окна – видишь ты!

Павлик тихонько развернулся, собираясь незаметно уйти, как вдруг услышал за спиной:

– Привет!

Он медленно обернулся.

– Ты так тихо подошел, я тебя даже не услышала. – Девочка улыбалась, сжимая в руке букет синих колокольчиков. – Ты откуда пришел?

– Оттуда. – Неопределенно махнул рукой Пашка.

– А чего ты здесь делаешь? – Поинтересовалась она.

– Да так... Просто гуляю. А ты?

– А я цветы собираю. – девочка помахала букетом.-Хочу собрать много-много разных и сплести венки. Но тут только эти растут, а заходить далеко в лес я боюсь – вдруг потеряюсь и меня унесут медведи.

Пашка хмыкнул:

– Да откуда им здесь взяться? Только лисы, птицы и разные грызуны. Медведи, так близко к людям не подходят – шумно слишком.

– Правда? Но мне все равно страшно одной.

– Не бойся. Здесь тебя никто не обидит. – уверил ее Павлик. – Я тут всё знаю.

– Ого! А, может быть, ты знаешь, где еще растут цветы? – она подошла к нему ближе. – Какие-нибудь другие – не такие, как эти. Только чтобы красивые были.

– Ну-у-у... Можно пойти поискать. Я могу с тобой походить, чтобы ты не заблудилась.

– Здорово! Меня Иркочкой зовут. – она заулыбалась и протянула ему свободную руку. Ладонка была маленькая и испачкана в земле. – А тебя как?

– А меня Павлом зовут... Гм... Пашкой. – заулыбался в ответ Павлик и по-взрослому пожал ей руку. – А хочешь я тебе настоящее гнездо покажу?

– Гнездо-о-о? Конечно, хочу! А в нем кто-нибудь есть? Оно на дереве?

– Нет, в кустах. Там живут птички «славки», видела когда-нибудь таких?

– Не-е-ет... Я видела только ворон, голубей и воробьев – их у нас в городе много живет. А еще я видела настоящего орла, когда была на юге. А эти славки – большие?

– Не а, как воробьи примерно.-Павлик показал пальцами.-Их можно узнать по особенной песне и окрасу – у них светлая грудка, а у самца желтые глаза.

– Ух ты! Пойдем скорее. А далеко это гнездо?

– Да нет, минут десять. Иди за мной.

Они бродили по лесу до самого вечера, совершенно забыв про то, что обоих ждали дома на обед. Пашка очнулся только тогда, когда солнце проделало большую часть пути на небо-своде, а деревья стали отбрасывать длинные тени. Договорившись завтра встретиться опять около опушки, дети разбежались по домам. Ирка несла огромный букет разноцветных лесных цветов.

– Ты где пропадал столько времени? – Татьяна никогда не бранила Павлика, но он всегда мог заметить, если мама была чем-то недовольна. -Надо было огород полить. Мне самбй пришлось воду таскать.

– Прости мам. Я с Ирккой в лесу был. Гнездо ей показывал, и мы цветы собирали.

– С какой Ирккой? – удивленно подняла бровь мать.

– Она из города приехала, на все лето, к Борисовым. – пояснил Павел. – Вместе с братом. Я ее в лесу встретил.

– Господи-Иисусе! Володя вернулся?.. Не было печали... – Татьяна нахмурилась и добавила: – ты бы ее по лесу не таскал за собой, а то еще что-нибудь случится – потом крика не оберешься – мало тебя деревенские мальчишки достают, не хватало еще с ее родными разбираться.

– Ма-а-ам... – насупился Пашка. – Да не переживай ты. Мы далеко не ходим.

– Ох, Павлуша... Храни тебя Господь. – она перекрестила сына и обняв поцеловала в макушку. – Один ты у меня, знаешь же... Как же я переживать за сынку-то не буду... Кровиночку мою однородную...

– Мамуль, все хорошо.-Пашка уткнулся ей в грудь. – Я уже взрослый.

– Взрослый-взрослый... – женщина вытерла слезу.-А взрослые люди поступают по-взрослому и не уходят без предупреждения на весь день, оставив мать одну на все хозяйство.

– Прости, мамуль... Завтра с утра я все-все сделаю, что ты мне скажешь. Только...

– Чего – только? – мать отстранила на расстояние вытянутых рук и заглянула в его глаза.

– Ну... Мы с Ирккой завтра опять в лес собрались погулять... – щеки Павлика алели. – Ты не подумай, мы ничего такого...

– Ох, Павлуша... – вздохнула женщина. – Я-то ничего не подумаю... Но, вот как бы люди... Господи прости их...

– ГДЕ ТЕБЯ ВЕСЬ ДЕНЬ НОСИЛО? – Брат схватил Ирку за плечо и орал на весь дом. – ТЫ ХОТЬ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО МЫ ТУТ ВСЮ ДЕРЕВНЮ НА УШИ ПОСТАВИЛИ?

– Понимаю... – Иркины глаза красные и полные слез. Она вот-вот расплачется.

– Ты что, не могла домой зайти – показаться? – Вовка слегка успокоился и перестал ее трясти. – Мы же за тебя переживали. Тетка чуть с ума не сошла.

– Простите... Я не хотела...

– Не хотела она... Иди вот теперь, извиняйся перед тетей Светой. Меньше недели в деревне, а уже столько проблем от тебя.

Ирка подняла с пола лесной букет и прошла на кухню. Женщина сидела за столом у окна и держась за сердце вытирала платком заплаканные глаза. Перед ней стоял бутылек с характерным запахом валерьяны.

– Теть Свет, простите меня, пожалуйста. – Ирка достала из-за спины цветы. – А я вам вон какой красивый букет принесла. Не обижайтесь на меня... Пожа-а-алуйста...

Тетя смахнула слезу и обняла девчущку.

– Какая же ты милая, Иринка. Как же я могу на тебя обижаться, а?

– Не знаю... Я же не зашла домой и не показалась... Вон, Вовка как ругается... А я ничего такого не сделала...

– Ну, он же не со зла. Вовка просто за тебя переживает – вдруг ты потерялась.

– Я не терялась, я с Пашкой в лесу была – цветы собирала. И еще... Еще я гнездышко «славки» видела... А в нем четыре яичка... Настоящие... Во-о-от такие малюсенькие.

– С каким еще Пашкой? – Вовка просунул голову на кухню.

– С обычным... – потупила взгляд Ирка.

– Ты давай не юли... Говори быстро – что это за Пашка такой? – Брат опять схватил ее за плечо и повернул на себя. – Зачем он тебя в лес потащил, а? Что вы там делали?

Ирка не выдержала и разревелась, закрыв лицо ладошками. Тетя Света вскочила и вырвав ее из рук брата прижала к себе.

– Ты чего на ребенка орешь, ирод?! Если вымахал в два раза больше, это не значит, что можно руки распускать! Всю душу из бедной вытряс. Тебя бы кто так встряхнул, дубину «сталеросовую».

– Теть Свет, да я же... Блин... Да откуда я знаю кто этот Пашка? А вдруг маньяк какой? Ей всего десять, а этот ее в лес потащил...

– Он меня не тащи-и-и-ил... – ревела в голос Ирка. – Я сама-а-а... Я его та-а-ам встре-е-е-етила... Я просто... просто... я цветы собира-ала-а-а...

– Уйди отсюда, супостат рогатый. -Заголосила тетка.-Какие еще маньяки в нашей деревне? Тяпун тебе на язык, да чтобы во весь рот. Наверняка кто-нибудь из местных мальчишек это был. А ты наговариваешь такое... Чтобы тебя дри-стун пробрал, за мысли твои поганые... Ох, прости Господи! Иди давай... Дай мне ребенка успокоить.

Через час тетка уложила Ирку спать, напоив ее парным молоком с медом. Затем вышла на улицу, где на скамейке, в темноте, привалившись к стене дома, сидел Вовка и курил.

– Ты запомни, Володя, – начала она, – кричать на девку я тебе не дам, хотя бы пока вы здесь. И руки распускать не смей. Вот своих нарожаешь и лупи их сколько влезет, если духу хватит.

– Теть Свет, ну ладно вам. – отмахнулся Вовка. – Я же чуть-чуть, для профилактики. Она же на мне оставлена – чуть что случись и батя, с мамкой, с меня три шкуры спустят.

– А давай я тебя буду каждый вечер коромыслом вдоль хребта протягивать? Для этой самой профик... Пофиг... Тьфу ты! – Ну, что б тебе не повадно было! Глядишь – ума прибавится! – тетка все сильнее и сильнее заводилась. – Я тебе сказала – выбрось эту дурь из головы, ничего с ней тут не случится. Всю жизнь спокойно жили, тьфу-тьфу-тьфу... И нечего грешные свои мысли к невинному дитя приплетать.

– Понял, тетя Свет, понял. Не кричите вы так, а то сейчас полдеревни сбежится. – Вовка глубоко затаился, шум-

но выдохнул и спросил:

– А что это за Павлик-шмавлик такой? Вы у Ирки спрашивали?

– Да это, вдовы Татьяны сын – Павлик «блаженный».

– Почему блаженный? – удивился Вовка

– Да они при церкви живут. Набожные. Мать его так воспитала, что он сдачи дать не может – дескать, Господь не велит. Его тут все мальчишки задирают, когда на улице видят. А он идет и молчит, даже не оборачивается. Мамки им за это уши дерут, но что проку – это же дети. Он и в школу не ходит – его попадыха дома обучает. Потому, один он совсем – нелюдимый... Но зла не творит, вот и прозвали «блаженный».

Вовка нахмурился и снова закурил.

– Знаю я таких блаженных. Ходят, себе на уме, а потом чьи-то руки-ноги в парках милиция находит...

– Господи боже мой... Ты совсем спятил, али наполовину только? – схватилась за сердце тетка. – Мальчонке всего четырнадцать лет, он же совсем малец еще... Да он мухи не обидит, его даже собаки бешеные любят.

– А, может, потому и любят, что за своего принимают, а? – усмехнулся зло Вовка.

– Тьфу на тебя... – всплеснула она руками. – Ты вроде парень уже взрослый – мужик совсем, а в голове у тебя жмых какой-то. Курил бы поменьше и пиво ведрами не хлебал. Это тебе в армии голову отбили? Сам-то какой был...

– Вот, тетя Свет... Вот только давайте старое трогать не будем, да? Я свое искупил и осознал, так что... И что мне делать и не делать – тоже сам разберусь, не маленький. – Он встал и вышел за калитку. – Меня сегодня не ждите, я у Петрухи останусь. А Ирке передайте – еще раз узнаю, что она по лесу с этим блаженным шляется – башку обоим откручу!

– Вот же ж, боже ты мой... Двадцать лет, а уму как у младенца. – Прошептала тетка, глядя ему вслед. – Господи, образумь непутевого и держи от греха подальше.

На следующее утро Пашка вскочил ни свет, ни заря и носился по двору как угорелый – натаскал воды, дров нарубил, даже сорняки пообрывал на грядках – лишь бы время быстрее пролетело. Мать, видя все его старания, только тяжело вздыхала:

– Сынок, ты бы не рвал живот так, погляди весь упрел уже, так и простыть недолго. – качала она головой.

– Мамуль, все хорошо, я же сильный! Глянь, сколько дров наколол – на всю неделю хватит. – Похвастался ей сын. – Который там час?

– Десять почти. Ты завтракать собираешься?

– Мам, а можешь мне с собой собрать? Я в лесу поем.

– Господи, да поешь ты дома нормально. Никуда не убежит от тебя твой лес.

– Ну маму-у-уль... – Состроил жалобное лицо сын. –

Ну, пожа-а-алуйста. Ты же знаешь – на природе оно и естся лучше, и вкуснее кажется.

– Ох, хитрец ты Павлуша... – мать улыбнулась. – Сейчас соберу. Тебе яички вареные класть?

– Клади... Всё клади... И картошки сырой кинь, мы ее в лесу запечем...

– Ты что, опять дó ночи? – нахмурилась она. – Ты, давай, на обед домой приходи. И Ирку свою приводи, раз уж расстаться не можете.

– Не мамуль, чего туда-сюда бегать, мы и там нормально поедим, ты не переживай. Я часиков в шесть вернусь.

– Ох, святая Богородица... Ладно, сейчас...

Пашка просидел на опушке больше часа. А Ирка так и не появилась. Аппетит совсем пропал, и он совершенно не знал – чем себя занять. Ему больше не хотелось идти гулять по лесу одному, ведь с Иркой лес был совсем другим – не таким загадочным и спокойным, а больше веселым и полным неизведанных приключений. К тому же с Иркой Павлик чувствовал себя кем-то значимым. Она постоянно тыкала во все пальчиком и спрашивала:

– А это что?.. А это?..

Павлик ей все объяснял и его распирало от гордости за самого себя. Теперь ему было с кем поделиться всеми этими чудесами природы. И Ирка слушала его, раскрыв рот. Они

были знакомы всего несколько часов, но им обоим, казалось, будто знают друг друга всю свою короткую жизнь, с самого рождения.

Ирка не пришла. А ведь она обещала. Павлику было обидно до слез, ему казалось, что его предали. Все эти годы, он молча проглатывал каждую обиду, прилетавшую от деревенских мальчишек, но сейчас, ком, то и дело подкатывал к горлу, а глаза предательски наливались слезами. Он нервно срывал колоски травы, яростно жевал и тут же выплевывал. Просидев у леса до обеда, он поплелся домой, так и не зайдя в свое любимое зеленое царство.

– Ты чего так рано? – мать копалась в огороде. – Случилось чего?

– Ничего... Все нормально... – пробурчал Пашка и скрылся в доме, кинув холщовый мешок с продуктами на лавке у крыльца.

– Па-а-аш... – Женщина заподозрила неладное и сполоснув руки вошла вслед за ним в дом. – Сынок, что случилось?

Павлик лежал на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Всем видом показывая, что разговаривать не хочет.

– Сына, ты чего такой хмурной? С Ирккой поругался, что ли? – мама села рядом и погладила его по волосам.

– Да не ругался я... – пробубнил он в подушку, отмахнувшись рукой.

– Ну а чего тогда? – не унималась мать.

– Ничего...

– Ну Павлуш... Я же вижу... Ты мне расскажи и сразу легче станет...

Павлик повернул к ней красное лицо:

– Да не пришла она. Я полдня прождал. – Губы у него тряслись от обиды.

– Кто не пришел? – не поняла мать.

– И-и-ирка – кто-кто...

– Эка беда, подумаешь. Может не смогла. Может родным помогает по хозяйству, мало ли чего... Может просто забыла, это же девчонка... Городская...

– Мама, как ты не понимаешь? – засипел Павлик, с трудом сдерживая рыдания. – ОНА МНЕ ОБЕЩАЛА!

– Обещала? – мать подняла бровь. – Вот оно что... Тогда понятно...

Татьяна воспитывала сына в строгости закона божьего и с раннего детства учила его не врать и не пустословить. Если сказал – сделай, дал слово – сдержи. По этим и другим нехитрым правилам и протекала их маленькая незатейливая жизнь. Они были предельно честны друг с другом и никогда не давали пустых обещаний. Мать знала – она всегда могла положиться на сына – если он что-то обещал, то безоговорочно выполнял, чего бы это ни стоило. За эти качества, она души в нем не чаяла, и не было в их доме размолвок – все крепко держалось на чутком понимании и доверии.

– Ох, Павлуша-Павлуша...

Она не знала – что сказать сыну, а только нежно обняла и печально запела песню, которую пела ему в детстве, когда он плакал и не мог заснуть:

– «Ясно солнышко устало,
Целый день оно играло,
Всем дарило теплый свет,
А под вечер сил уж нет.
Баю-ба-ай, баю-бай,
Глазки крепко закрывай.

Братец месяц солнце сменит,
Звезды он зажжет на небе.
Ангел светлый помоги,
Сон малютке подари.
Баю-ба-ай, баю-бай,
Спи малыш мой, засыпай».

Когда Павлик уснул, мама заботливо положила его голову на подушку, вытерла платком накатившие слезы и перекрестив сына три раза, тихонько вышла из дома и направилась к Борисовым.

– Татьяна, я понимаю, что они еще дети. – Светлана разливала ароматный чай с травами по кружкам. – Но и ты должна понять, Ирка – городская, она первый раз у нас в деревне...

– Я понимаю, но ведь Павлик не желает ей ничего плохого. – мать оправдывалась за сына. – Он же ни одной живой души не обидел за всю жизнь.

– Никто и не говорит, что он её обидит, бог с тобой. Просто лес не место для игр, мало ли что там может случиться. – не унималась Светлана. – Вдруг она в яму какую-нибудь упадет? Или их деревом придавит... О, Господи – спаси и сохрани...

Женщины одновременно перекрестились.

– Да, да... Я-то все понимаю. – тихонько сказала Татьяна сдавшись. – Но, Павлуша, так переживает... Ты же сама знаешь – у него нет друзей, а с Ирочкой они вроде так подружились.

– Ох, Татьяна... Жалко мне твоего Пашку. Ведь такой хороший парень. Добрый, послушный, работающий – слова поперек не скажет... А дружить с ним никто не хочет... Что делать – ума не приложу.

– Да что тут поделаешь... Видно, так господь распорядился – на все его воля.

Женщины грустно замолчали, каждая думала о своем.

– А, знаешь, – начала вдруг Светлана, – пушай они у нас играют. Им тут никто мешать не будет – места много, хоть в доме, хоть во дворе. И мне в радость и дети под присмотром.

– Да я не против, вот только согласится ли Павлик? Он у меня такой... Чужих не шибко жалует...

– Да что же я – совсем «не своя» что ли? Все в одной де-

ревне живем – друг у друга на виду. Я же его не съем, в конце-то концов. – расхорохорилась Светлана. – Пускай приходит в любое время, мы всегда будем ему рады.

– Ну хорошо, если он согласится....

– Да куда он денется? Захочет с Ирккой поиграть – мигом прибежит. Это же дети.

– Дай то бог, дай-то бог...

С тех пор Павлик частенько пропадал у Ирки. Они вместе рисовали, читали книжки, играли в настольные игры, даже помогали тете Свете по хозяйству. А она только радовалась и смеясь говорила мужу:

– Игорюнь, ты глянь – какая пара растет. Прямо жених и невеста, тили-тили тесто.

– Да, мать... Жаль только Пашка этот, такой... А так вроде парень нормальный, весь в батю, царство ему небесное. – Покачал головой Игорь. – А Вовка-то, чего сычом на него глядит?

– Да ну его, Вовку этого... Он только и может, что пивом брюхо заливать, да Алке из магазина, под сарафан лазить. Как из армии вернулся – еще дурнее стал, ничего толком делать не хочет. Вон сколько брат твой на него жаловался – Вовка совсем распоясался, работать на завод идти не хочет, опять ночами где-то пропадает, а у самого ни гроша за душой – здоровенный детина, а все еще на шее у родителей

сидит. Глядишь – снова за старое возьмется. Тьфу!

– Да будет тебе, мать, – скривился Игорь, как будто у него зуб заболел, – пусть парень отдохнет- освоится и я его в поле возьму, али мужикам отдам на воспитание. Они из него живо кремёнъ сделают.

– Горбатого могила исправит. Если он в таком возрасте сам ничего не понимает, то никто ему уже не поможет. Ни второй, ни третий шанс... Ты вон, глянь на Пашку – вот кто мужиком вырастет. – Светлане явно нравился Павлик, и она всячески его поддерживала. – И дрова колет, и воду таскает, и по огороду всё может. А ведь ему только четырнадцать. Вот в ком опора в старости будет, а от этого оболтуса и ждать нечего. Только и может, что кровь пить из людей... Как бы опять до греха господь ни довел.

– Ты, мать, говори, да не заговаривайся. – вскипел, наконец, муж. – Он нам не плевков собачий, а родня, как-никак. Так что попридержи язык за зубами. А то ведь я и тебя могу разок вожжами поперек седалища протянуть, что б неповадно было.

– Ой, вы посмотрите-посмотрите, – закудаhtала Светлана, – кто это у нас тут такой грозный нашелся? Тоже мне – «пятах-курями не клеванный», ты сам-то – говори да помалкивай. Я-то хоть и баба, но граблями лихо махать умею – враз по хребту огребешь. Потом неделю в бане кости отпаривать будешь.

Светлана была женщиной с норовом и сомневаться в ее

словах никогда не приходилось.

– Ты лучше пойди в погреб слазий, варенья достань. Я блинов напеку – детей порадую.

Игорь, кряхтя встал и неожиданно ловко, подскочив к жене – звонко чмокнул ее в щеку. Они громко рассмеялись, тем самым давая понять друг другу, что все сказанное было только шуткой.

По неизвестным никому в деревне причинам, у Светланы с Игорем не было своих детей. Но они жили мирно и счастливо, ухаживая друг за другом. И считались первыми весельчаками и балагурами на деревне. А когда дело доходило до праздников, тракторист Игорь доставал свою гармонь, сдвигал кепку набекрень и шел по деревенской улице, собирая народ, а рядом с ним всегда шагала румяная Светлана и звонко голосила частушки.

Часть вторая

Вовка

Володя Борисов был сложным ребенком – его отец постоянно отсутствовал дома по рабочим делам министерства, а молодая мать от скуки посвятила всю себя единственному сыну, обволакивая его гиперопекой словно куклу – одеждой. Взращённый на маминых ласках, постоянных потаканиях во всем и полной безнаказанности, мальчик был своевольным, капризным и жестоким. Но, когда Володе исполнилось десять лет, совершенно неожиданно, в первую очередь для самого Вовы, в семье Борисовых родилась дочь Ирина и жизнь маминого любимчика резко изменилась. Если раньше, на каникулах, он разъезжал с матерью по санаториям страны, то теперь, его отодвинули на второй план, перенеся все внимание на малютку – дочь. Поездки закончились и в свое свободное время Вова был посвящен сам себе. А когда Иринка выросла из пеленок, старшего брата частенько заставляли следить за сестрой, что его еще больше раздражало. Он постоянно забывал про нее, оставляя одну в комнате, в компании игрушек, а когда вспоминал и приходил проверить – отчитывал за бардак, словно взрослому. Со временем ей начали перепадать подзатыльники и шлепки – старший брат не

особо контролировал эмоции.

Когда Володе исполнилось семнадцать лет, в стране всю бушевали лихие девяностые – народ жил в страхе, злобе и нищете. Отец семейства вовремя подсуетился и приватизировал небольшой завод по производству лакокрасочных материалов, сменив министерское кресло на поприще предпринимателя. Время было смутное и Вову решили отправить на лето к родному брату отца, чтобы без дела по улицам не шатался, не искал на свой зад неприятностей. Так Володя впервые оказался в деревне у дяди Игоря и тети Светы.

Деревню он сразу невзлюбил, потому как там приходилось постоянно помогать по хозяйству, а ничего другого, в принципе, там делать было нечего – ни кино, ни цирка, ни аттракционов, даже нормальных магазинов не имелось. Но, как говорится – «свинья везде грязи найдет», и Володя, быстро освоившись нашел себе компанию таких же пройдох как он сам – двух братьев-близнецов Саню и Андрюху Гореловых. Они были старше на пару лет, любили выпить и побуянить, а еще у них была своя машина – выдавшая виды копейка, доставшаяся от деда. Братья ничем толком не занимались, но деньги у них водились, а в народе знали, что ребята нечисты на руку – подворовывали все, что плохо лежит, тем и жили. Родители их были пьяницами и обитали в другом конце области, а Сашка с Андрюхой перебрались в дом к деду, как только тот помер.

В то лето, в деревне вскрыли несколько дачных домов и

все прекрасно понимали – откуда ноги растут, однако, доказать никто ничего не мог. Здешний участковый после осмотра места преступления просто разводил руками и шел опохмеляться. В областной милиции только отмахивались – не до вас сейчас, у нас тут своих забот выше крыши.

Вот уже почти год, как по всей области в разных концах, кто-то повадился рубить кабель на высоковольтных вышках и столбах, оставляя целые деревни без электричества. Такая «работа» была не из легких и требовала специальных навыков и снаряжения. Налицо – орудовала группировка. Поэтому беды дачников сейчас мало кого волновали – их дома, итак, постоянно подвергались набегам, то бомжей, то местных алкашей – дело обычное.

А Володя все чаще проводил время с новыми друзьями и все реже оставался ночевать дома. Тетя Света переживала и пыталась разговорами наставить подростка на путь истинный:

– Вова, ты же уже взрослый парень, тебе скоро в институт поступать... – Обычно начинала она, – а ты все как маленький, никакой ответственности!

– Теть Свет, да все нормально... – отговаривался Вовка.

– Да где ж нормально-то? Где ж нормально? – Не унималась тетка. – Ты по хозяйству совсем перестал помогать, дома не ночуешь, вечно блякаешься с этими двумя... У тебя в голове ветер гуляет, не человек, а перекаати-поле. Ты хоть решил – куда поступать будешь? Кем ты собираешься стать?

– Да разберусь я, тетя Свет... – бурчал в ответ раздраженный племянник. – Вот только не начинайте заново...

Светлана часто жаловалась мужу, а тот все больше хмурился, но поговорить с Вовкой по-мужски все никак не решался. Не было у него опыта общения с детьми. Только в один вечер он вернулся домой и застал жену в слезах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.